

6. Потапенко Е. Г., Зарубина М. Н. Централизация судебной системы и изменение арбитражного процессуального законодательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 12. С. 47–51.

7. Пацаця М. Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.

Бесецкая Н. А.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ПРАВИЛ СУДЕБНОГО ИЗВЕЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ

Полоцкий государственный университет,

ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк, Беларусь, n.besetskaya@psu.by

После проведенной реформы судостроительства в связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 29.11.2013 № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» неизбежно стали проявляться различные процессы, активно влияющие на трансформацию отечественного цивилистического процесса. На протяжении последних 8 лет среди ученых и практиков велась острая дискуссия о необходимости унификации гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства. Появилась, а затем и сформировалась в данность идея необходимости разработки единого процессуального кодекса для гражданского и хозяйственного судопроизводства. Перед его разработчиками была поставлена сложнейшая задача, что обуславливалось наличием принципиальных различий во многих ключевых вопросах между действующими Гражданским процессуальным и Хозяйственным процессуальным кодексами Республики Беларусь (далее – ГПК и ХПК соответственно). Данные различия, как справедливо подчеркивает В. П. Скобелев, в большей части не вытекают из природы гражданских или экономических дел, а стали закономерным следствием того, что было положено в основу при разработке указанных нормативных правовых актов [1, с. 148]. Тем не менее концепция будущего единого процессуального кодекса открыто не обсуждалась и оставалось только гадать, какой подход будет избран при его подготовке.

В рамках приведенной выше полемики в доктрине поднимались вопросы о необходимости унификации отдельных процессуальных институтов, в том числе и судебных извещений. Параллельно с этим активно обсуждались проблемы, связанные с влиянием на осуществление правосудия процессов цифровизации всех сфер общественной жизни в последние десятилетия. О трансформации правового регулирования института судебных извещений как неизбежной реакции на внедрение в правила судопроизводства цифровых технологий нами ранее уже отмечалось [2]. Однако в связи с подготовкой проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – проект КГС) и вынесением

его на общественное обсуждение, не умоляя значимости проделанной его разработчиками работы, позволим себе высказать отдельные соображения критического характера относительно последовательности, достаточности правового регулирования в нем вопросов судебного извещения с использованием современных средств связи.

Прежде всего стоит остановиться на том, как решены данные вопросы в действующих ГПК и ХПК. Так, в ч. 2 ст. 143 ГПК устанавливается право суда «в необходимых случаях» извещать или вызывать участников гражданского процесса СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты. Согласно ч. 2 ст. ХПК экономический суд вправе известить участников хозяйственного процесса посредством факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты. Как видно, на первый взгляд, оба кодекса перечисляют, практически одни и те же современные средства связи в качестве возможных каналов передачи судебных извещений. Однако ХПК напрямую не называет в качестве таковых СМС-сообщения.

Вместе с тем на практике это не стало препятствием к фактическому его использованию экономическими судами. Дело в том, что в обоих кодексах в приведенных нормах указывается на возможность судебного извещения посредством «иных средств связи», что, видимо, позволяет, исходя из расширительного толкования, судьям экономических судов прибегать к СМС-сообщениям. Тем не менее трудно не согласиться с высказанным в доктрине утверждением, что эта фраза в ХПК не является санкцией на использование таких современных средств связи ввиду их специфики, технических сложностей, отсутствия детальной регламентации их применения [3, с. 229]. При этом применительно к гражданскому процессу такая регламентация (весьма скромная, надо отметить) установлена хотя бы на уровне инструкций по делопроизводству в районных (городских) и в областных судах, утвержденных приказом Председателя Верховного Суда Республики Беларусь от 20.09.2018 № 74. Однако это отнюдь не может оцениваться в качестве надлежащей правовой основы их использования судами общей юрисдикции, поскольку данный акт не является нормативным [3, с. 228]. Ни ГПК, ни ХПК не определяют номер, на который суд должен направить судебную повестку (извещение), ее содержание, критерии, при которых такое извещение считается надлежащим, и что является доказательством этого. Кроме того, не решен вопрос, какие последствия повлечет изменение абонентского номера сотовой связи участником процесса.

В обоих кодексах указывается на право суда известить участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет». Тем не менее данная формулировка не позволяет установить, где именно и какая информация будет размещаться (фактически это может быть официальный сайт или страница суда, либо иной сайт, страница адресата в социальной сети и т. п.). Отсутствует детализация того, на кого возлагается такая обязанность, каким образом должен быть зафиксирован факт и время размещения, а также

что будет надлежащим доказательством этого. На участников процесса не возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение [2, с. 359].

Что касается использования в целях судебного извещения электронной почты, то в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 27.05.2011 № 6 (сохраняет действие в настоящее время) разъясняется, что извещение участников процесса по электронной почте возможно только при условии заключения соглашения об электронном обмене данными с хозяйственным судом в порядке, определяемом Высшим Хозяйственным Судом Республики Беларусь. По сути, эти функции перешли к Верховному Суду Республики Беларусь, но указанный порядок так и не был определен. Вместе с тем, в отличие от СМС-сообщений, из данной нормы вытекает, что использование электронной почты при судебном извещении поставлено под условие получения на это согласия участника хозяйственного процесса.

На необходимость применения аналогичного условия относительно факсимильной связи указывается в юридической литературе [3, с. 240; 4, с. 387], но ее использование в целях судебного извещения не получило правовой регламентации.

По сути, и в ГПК, и в ХПК законодатель применительно к судебному извещению с использованием современных средств связи ограничился только одним требованием: обеспечение фиксации извещения или вызова. Однако именно при доставке судебной повестки (извещения) посредством большинства современных способов связи возникает коллизия между фактом доставки и фактом восприятия ее адресатом лично [2, с. 359].

Таким образом, действующее процессуальное законодательство не создает последовательное и унифицированное регулирование судебного извещения посредством современных средств связи. Здесь мы солидарны с В. П. Скобелевым, что их использование не может строиться только на упоминании в кодексах данных средств связи [3, с. 245]. При этом большинство норм соответствующих глав обоих кодексов не могут быть применены по аналогии к судебному извещению через современные средства связи, поскольку ориентированы исключительно на судебные повестки (извещения) на бумажном носителе.

Иными словами, их регламентация должна быть существенно расширена, чтобы создать надлежащие гарантии процессуальных прав участников процесса. И эта задача не могла не быть очевидной для разработчиков проекта КГС. Тем не менее, полагаем, в проекте КГС она не была достигнута.

Прежде всего из анализа положений главы 13 проекта КГС явствует, что в основу его разработчиками были положены нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ). При этом они предприняли попытку адаптировать их под нужды не только надлежащего извещения физических лиц, но и юридических лиц, государственных органов, иных организаций, участвующих как в гражданских

делах, так и делах, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

В российской доктрине справедливо отмечается, что в ГПК РФ отождествляются форма и способ судебного извещения [5, с. 18]. Аналогичная ошибка допускается и в п. 1 ст. 110 проекта КГС, где наряду с формами судебных извещений перечисляются и способы их доставки или вручения. Кроме этого, из содержания данной нормы вытекает, что термин «судебное извещение» фактически становится в понимании разработчиков проекта родовым понятием по отношению к видовым понятиям «извещение» и «вызов». При этом из контекста приведенной нормы прямо вытекает, что вызов в суд свидетелей, экспертов, специалистов и переводчиков возможен посредством любых средств связи и способов доставки. Однако, полагаем, допущение применения современных средств связи для вызова указанных иных участников процесса представляется весьма сомнительным.

В п. 1 ст. 111 проекта КГС существенно расширено содержание судебных извещений. Так, помимо уже предусмотренных действующими ГПК и ХПК сведений, проект КГС обязывает в них указывать: адрес единого Интернет-портала судов общей юрисдикции Республики Беларусь, номера контактных телефонов суда, адреса электронной почты, по которым лица, участвующие в деле, могут получить информацию о рассматриваемом деле. Однако вследствие того, что указанная норма устанавливает общее правило применительно к любой форме извещения или вызова и способу их передачи, в проекте, по сути, не решается существующая проблема, что сохранит на практике невозможность аутентичного его исполнения, например, при использовании в качестве такого способа передачи, как СМС-сообщение. По сути, по-прежнему при его применении передаваемая информация может быть любой (по усмотрению того, кто его направляет). В проекте КГС следовало бы отдельно предусмотреть содержание сообщений, направляемых по абонентскому номеру сотовой связи. Например, подобным образом решен вопрос в Гражданском процессуальном кодексе Казахстана.

Помимо отмеченного, неустраненным остался пробел, связанный с тем, что проект КГС устанавливает в качестве обязательного реквизита указывать только номер «контактного телефона», а не абонентский номер сотовой связи. Не решен также и технический вопрос, каким образом будет осуществляться направление извещения посредством СМС-сообщений (через специальные Интернет-сервисы или программы либо с любого номера сотовой связи). Тем не менее, по нашему мнению, признавать подобный способ доставки судебной корреспонденции соответствующим требованиям надлежащего извещения нельзя, поскольку необходимый процессуальный эффект обязательности судебного извещения не достигается (по сути, обмен информацией происходит между частными лицами) [6, с. 45].

В целом правила главы 13 проекта КГС не детализируются применительно к судебным извещениям отдельно в электронной форме и на бумажном носителе.

В п. 1 ст. 110 проекта КГС только уточняется, что подразумевается под извещением участников процесса посредством «глобальной компьютерной сети Интернет», в частности, это может быть направление извещения или вызова посредством электронной почты, а также размещением информации на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Ранее нами уже выдвигалось сомнение по поводу возможности выработки в едином процессуальном кодексе унифицированных правил использования сети Интернет при судебном извещении ввиду значительного разрыва обеспеченности доступа к Интернету юридических и физических лиц [2, с. 359]. Это, видимо, учитывали также разработчики проекта КГС, поскольку из п. 7 ст. 110 КГС вытекает, что применение рассматриваемого способа извещения будет допускаться только в отношении государственных органов, юридических лиц, являющихся лицами, участвующими в деле. При этом на них возлагается обязанность самостоятельно получать информацию о движении дела и ответственность за ее неисполнение. Такое извещение будет применяться только после того, как суд убедится в получении ими «первого судебного извещения» по рассматриваемому делу. Вместе с тем проект КГС не раскрывает, какое именно извещение следует считать первым.

Кроме этого, в проекте по-прежнему не определяется иерархия способов извещения, а также не учитывается мнение лиц, участвующих в деле, и это означает, что право выбора наиболее приемлемого способа извещения принадлежит исключительно суду. Следовательно, суд вправе выбрать любой способ передачи первого извещения. Это, на наш взгляд, не устанавливает надлежащие гарантии интересов лиц, участвующих в деле. Особенно, если используются для этого не традиционные, а современные средства связи.

К сожалению, отмечаемые преимущества современных средств связи в целях судебного извещения (простота использования; скорость передачи информации; снижение материальных издержек) легко нивелируются существенным их недостатком: коллизией между фактом его доставки и фактом его восприятия лично адресатом. Несмотря на то, что в п. 1 ст. 113 проекта КГС заложен объективный критерий (реальности) надлежащего извещения и прямо указывается на обязательность наличия у суда доказательств получения адресатом судебного извещения, данная норма совершенно не коррелирует положениям п. 6 ст. 112, определяющей документы, которые могут быть такими доказательствами. Так, устанавливается, что при использовании СМС-сообщения, факсимильной связи или электронной почты либо иных средств связи и способов доставки к материалам делам должен быть приложен отчет или иные документы об отправлении судебного извещения. При этом не детализируется, о каком отчете именно идет речь. В любом случае, даже сформированный современным смартфоном краткий отчет о доставке СМС-извещения не может считаться доказательством получения конкретным адресатом судебного извещения. Неясной представляется и формулировка нормы подп. 3 п. 6 ст. 112 проекта КГС, так как в ней не уточняется, какой документ

должен подтверждать факт размещения судебных извещений на едином Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

Из положительных моментов можно отметить, что в п. 2 ст. 114 проекта КГС устранен существующий пробел, поскольку последствия несообщения суду об изменении контактных телефонов и номера факса, адреса электронной почты во время производства по делу приравнено к последствиям несообщения о перемене своего адреса. Тем не менее, полагаем, название указанной статьи («Перемена адреса во время производства по делу») не в полной мере соответствует ее содержанию.

Таким образом, положения главы 13 проекта КГС относительно использования современных средств связи в целях судебного извещения нуждаются в существенной доработке. Критерии надлежащего извещения должны соблюдаться судом единообразно независимо от избранного им способа доставки или вручения судебной корреспонденции с достоверной фиксацией не только факта передачи или отправки сообщения, но и факта его получения адресатом. Помимо отмеченного, необходимо также определить лиц, ответственных за аутентичность текста сообщения, соблюдение сроков их подготовки и отправки, а также за разглашение конфиденциальной информации, фиксацию факта доставки судебного извещения участнику процесса посредством аппаратных средств и направления им ответного подтверждения. Утилитарный подход, упрощение не должны рассматриваться в процессе унификации правил о применении современных средств связи для судебного извещения в качестве самоцели, в ущерб требованиям создания надлежащей процессуальной формы, а также фундаментальным принципам цивилистического процесса.

Библиографические ссылки

1. Скобелев В. П. К вопросу о разработке единого цивилистического процессуального кодекса Республики Беларусь // Современные проблемы права и управления : сб. докл. 5-й Междунар. науч. конф., Тула, 18–19 сент. 2015 г. / Ин-т законовведения и управления Всерос. полиц. ассоциации ; ред.: И. Б. Богородицкий (гл. ред.), Ю. В. Киселевич (отв. ред.). Тула, 2015. С. 146–148.

2. Бесецкая Н. А. Трансформация правового регулирования института судебных извещений под влиянием цифровых технологий // Государство и право в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 357–361.

3. Скобелев В. П. Современные информационные технологии и способы извещения (вызова) участников цивилистического процесса // Современные проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / Гродн. гос. ун-т. Гродно, 2019. Вып. 4. С. 223–247.

4. Белова Т. А. Применение современных технологий связи для извещения участников судопроизводства по гражданским делам // Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2007 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2008. С. 385–387.

5. Зайченко Е. В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2013.

6. Бесецкая Н. А. Судебное извещение участников гражданского и хозяйственного процесса посредством смс-сообщения: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука: традиции и инновации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей / сост.: Е. А. Макарова и [и др.]; Новгород. госуд. ун-т им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2019. С. 44–45.

Болохонов Б. С.

**ВИДЫ ПРОИЗВОДСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В НОВОМ КОДЕКСЕ**

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
пр. Доватора, 3/1, 220030, г. Гродно, Беларусь, boloxonov_bs@grsu.by*

4 марта 2022 г. Верховный Суд Республики Беларусь направил в Национальный центр правовой информации для публичного обсуждения проект Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – Кодекс), что означает завершение этапа реформирования судебной системы.

Отправной точкой начала полномасштабных реформ в сфере судопроизводства можно считать политико-правовое решение Главы государства о необходимости реформирования судебной системы, унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства. Как видим, указанный период подходит к своему логическому завершению и в скором времени в Республике Беларусь ожидается принятие и вступление в силу нового процессуального акта, который принципиальным образом преобразует существующий в настоящее время отечественный цивилистический процесс.

Отмечается, что основная цель проведенной работы по унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства – укрепление гарантий прав граждан и юридических лиц на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, повышение уровня законности и правовой определенности, своевременное и правильное разрешение споров в судебном порядке [1].

Проанализировав положения проекта Кодекса, в целях устранения некоторых противоречий, упрощения и уяснения ряда принципиальных,